Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Мёртвое Солнце

«Мы винили в своих бедах Солнце… пока оно ещё было живо. Сейчас мы можем винить только себя».

Этот сон всегда начинался одинаково — с этой фразы. А затем была статика: бесконечный зал с арочным сводом, уходивший в бесконечность, как в артах на тему перспективы. Он был как будто узок, но стены терялись в тени; был как будто высок, но я не видел потолка, и это странное пространство представало передо мной серым туннелем в кромешной тьме. С каждым разом конец его, исходная точка конуса, конец перспективы, становился ближе, и я каждую ночь понимал, что этот мир утопает в темноте — и забывал об этом наутро.

По зеркальному, расчерченному на ровные квадраты каменному полу ползали одетые в белоснежные туники женщины. Они как будто были заняты чем-то, но, пытаясь вглядываться, я никак не могу различить их лиц и их рук. Всё, что я знал о них — это то, что они прекрасны, и то, что они мои.

Сон должен был закончиться. Он всегда проходил так: я открывал глаза, осматривал свои владения — и исчезал, чтобы вернуться в свой, более понятный, но куда менее завораживающий мир.

И тут я поднял руку — хорошо знакомую мне собственную руку, только значительно более бледную. Я удивился этому, но удивление почти сразу исчезло, сменившись другими ощущениями.

Рука — или можно сказать, что я? — сделала незаметный жест, — и ко мне рванулось сразу несколько женщин. Ладонь чуть повернулась — и все из них, кроме одной, замерли: я по-прежнему не видел их лиц, но уловил разочарование, которое волной прокатилось по тем, кто остался на периферии конуса мутного света.

Она — та, что не остановилась — ползла ко мне на четвереньках, с каждым шагом всё больше прогибаясь, почти прижимаясь к полу; демонстрируя покорность, демонстрируя свою фигуру, струившиеся по плечам чёрные волосы, подобных которым я не видел никогда — и демонстрируя своё желание.

Туника не скрывала почти ничего, да под ней ничего и не было, и я мог видеть все изгибы её прекрасного тела: грудь, бёдра, ягодицы; она боялась смотреть мне в глаза прямо, но изредка бросала на меня взгляды: «Можно? Можно? Можно мне?»

Я поймал себя на мысли, что первый раз вижу лицо женщины этого странного мира. И я видел его — с его тонкими чертами и лукавым взглядом зелёных глаз — лишь мгновение: женщина доползла до меня, встала на колени и, оперевшись локтями на мои колени, до упора погрузила мой фаллос в свой ротик.

Я — во сне или наяву? — с трудом сдержал стон. Она же, казалось, не дыша, находилась в таком положении бесконечно долго — и, наконец, отпустила его, откинув голову назад, выдохнув, и в этом выдохе мне послышалось наслаждение.

Это длилось лишь мгновение: она вернулась к члену и продолжила фелляцию. Самозабвенно. Сильно, но нежно. Меняя темп. То помогая себе ручкой, то отпуская её, чтобы массировать, гладить, ласкать меня.

Терпеть это долго было невозможно. Я положил руки ей на затылок, чтобы управлять темп. Нет, чтобы ускорять его.

Я встал.

Она подняла на меня глаза, и в этом взгляде не было ничего, кроме нежной покорности.

Я входил в её рот снова и снова, забыв обо всём; я трахал его так, словно это первый и последний раз в моей жизни. И я дал ей всё, что у меня было — в несколько толчков, пульсаций. Она, не удержавшись, отшатнулась и с трудом успела подставить руки, чтобы не упасть.

Моё семя было размазано по её лицу, и в малахитовых глазах я увидел торжество. Торжество блаженства. Блаженство.

Мне стало страшно.

Прозвенел будильник. Семь утра. Среда. Надо собираться на работу. Член был болезненно твёрд.

Я с трудом поднялся на ноги.

Когда абстрактный фантастический сон успел превратиться в эротический? Или... в кошмар?